ТИПОЛОГИЯ ВНУТРЕННИХ ФОРМ ОБРАЗНОЙ ЛЕКСИКИ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА

Анализируется проблема типологии внутренних форм образной лексики древнерусского языка. Понятие внутренней формы слова рассматривается в рамках научного направления томской мотивологической школы. Морфосемантическая структура слова в древнерусском языке могла быть эксплицитной и имплицитной, метафорической и неметафорической, однако и в том и в другом случаях она служила выражению образного содержания слова.

Ключевые слова: внутренняя форма слова; образная лексема; магическое (мифотворческое) сознание; эксплицитность; имплицитность внутренней формы; метафорическая; неметафорическая внутренняя форма.

Как известно, положенный в основу наименования признак носит название «внутренняя форма слова».

Понятие внутренней формы связано с учением о слове А.А. Потехина. Определение внутренней формы у Потехина неоднозначно и достаточно сложно. Как отмечается в современной лингвистической литературе, Потехин видит во внутренней форме то этимологическое значение слова, то знак предыдущего значения в последующем значении, то механизм развития значения слова, то представление образов и понятий в текущих делах мысли, то средство доведения до сознания нового значения [1. С. 19].

К представленному обзору взглядов А.А. Потехина относительно внутренней формы слова добавим еще одно определение рассматриваемого понятия: «способ, каким выражается содержание» [2. С. 51]. Подобным образом трактует внутреннюю форму слова В.В. Виноградов: «способ представления значения в слове» [3. С. 20]. На наш взгляд, это последнее толкование наиболее близко к современному взгляду на внутреннюю форму слова как на его морфосемантическую структуру, позволяющую объяснить связь звучания и значения слова [4. С. 61].

Настоящая статья посвящена типологизации внутренних форм образных лексем древнерусского языка, т.е. лексических единиц, способных выражать содержание посредством наглядного представления образа [5. С. 28], обладающих способностью вызывать наглядное представление о называемом предмете.

Образные лексемы – всегда непрямые номинации, в структуре значения которых обнаруживаются два семантических плана – предметно-понятийный и ассоциативно-образный [6. С. 33]. Семантическая двуплановость и создает наглядное представление называемой реалии. Так, в «Словаре древнерусского языка XI–XIV вв.» отмечено слово *померкновение* (*померькновение*). Предметно-понятийный план содержания этого слова – затмение, ассоциативно-образный план связан с глагольным словом *меркнути* (*померкнути*) – утрачивать свет, блеск, тускнеть. Этимологически *меркнуть* родствен литовскому *merkti, merkiu* – мигать, зажмуриваться. Этимология слова выявляет ассоциат образа – представление о том, что при зажмуривании, мигании на долю секунды свет тускнеет, утрачивается, наступает темнота. Отсюда *меркнути* – утрачивать свет, тускнеть. Утрата света, в свою очередь, означала наступление *тьмы, мрака, затмение* (выделено мной. – И.Т.). Отмеченный ассоциативно-образный план обнаруживается в других словах словообразовательного гнезда с корнем мерк-, мьрк-, мрьк-: *морочьнии* – мрачный,

темный; *мьрчати* – меркнуть, погружаться во мрак; *мьрцание* – помрачение, затмение (по данным «Материалов для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского).

Архаическое слово было образным «по необходимости», отмечал А.А. Потехин, так как отражало образ предмета в целом – в совокупности его свойств [2]. Значительно позже эта мысль получила развитие у В.В. Колосова: история каждого древнего слова и есть сгущение образов исходных представлений в законченное понятие о предмете [7. С. 11]. Истоки этого образного содержания – в особенностях мышления древнего человека. Архаическое мышление (Ф. Кликс) образно по самой своей природе, поскольку сам процесс зарождения мышления связан с образом. Для наиболее ранних этапов развития человеческого общества характерно так называемое магическое, мифологическое (мифотворческое) сознание, которое, как указывала в свое время О.М. Фрейндерберг, имело три особенности: конкретность, нерасчлененность и образность [8. С. 23]. М.М. Маковский характеризует его как особый вид мироощущения, специфическое, образное, чувственное представление о явлениях природы и общественной жизни. Вслед за О.М. Фрейндерберг он подчеркивает, что мифологические представления могли быть только образами и ничем иным, потому что «образ» есть зрительный «внешний вид», зрительная «наружная сторона» предмета. Пространственные, ограниченные внешней зрительной данностью, однократные и неподвижные представления порождали «образы» [9. С. 15–17].

Наиболее полная характеристика этих первичных образов содержится в работе О.М. Фрейндерберг «Миф и литература древности». Она подчеркивает, что «мифологический образ... есть семантическая реакция первобытной мысли на ощущение предмета именно в его чувственном наличии... Образ строился зрительно, потому что шел именно от зрительных впечатлений... Образотворчество первобытного человека непроизвольно; оно не суживается ни с какой иной познавательной системой» [8. С. 33–34].

По мере семантического наполнения первые звуковые сигналы превращаются в знаки, наделенные звуковой формой и определенным содержанием. В виде такого содержания на первых порах выступает умственный образ внутренней формы как основа будущего лексического значения [10. С. 12]. Так объясняет Т.Р. Кияк генетику внутренней формы слова. Он выделяет имплицитную и эксплицитную внутреннюю форму слова, связывая эти разновидности с непроизводностью / производностью единиц.

Образные лексемы древнерусского языка в большинстве своем обладали, как свидетельствует материал «Словаря древнерусского языка XI–XIV вв.», эксплицитной внутренней формой, что определяется их производностью. Например, *безвазньство* – несчастье, неудача (от *вазнь* – удача); *безокъ* (без ока) – безглазый; *ззорникъ* – тот, кто жалуется на свою судьбу (от *ззоръ* – многозначное слово в древнерусском языке, среди значений представлены в том числе такие, как укор, упрек и зависть); *жадьныи* – 1. испытывающий жажду; 2. терпящий нужду (от жажа – желание, жажда) (как предполагает Д.Н. Шмелев, значение «сильное желание» у слова *жажа* (жажда) – исконное, первичное; метафорическое употребление слова жажда в современном языке генетически оказывается не «вторичным», а «пережиточным»: оно не возникло в языке на основе метафоризации слова, а отражает прежнее – более широкое и абстрактное – значение слова [11. С. 118–119]); *изжитие* – расход, трата (от *жити*), хотя встречаются и примеры с имплицитной внутренней формой: *говор* – шум, *жьга* – зной, *завора* – запор. Примером слова с имплицитной внутренней формой выступает многозначное в древнерусском языке слово *туга*, все значения которого связывает сема «несчастье».

В работах представителей томской мотивологической школы под руководством О.И. Блиновой подчеркивается, что внутренняя форма имеет билатеральный характер, представляя собой материально-идеальный компонент структуры слова, включающий мотивационную форму и мотивационное значение. Из предложенной О.И. Блиновой типологии внутренней формы слова для анализа образных лексем древнерусского языка актуальным является прежде всего такое основание классификации внутренних форм слова, как характер мотивационного значения [4]. Если мотивационное значение отражает отношения подобия, говорят о метафорической внутренней форме слова, у неметафорической внутренней формы мотивационное значение не отражает отношения подобия. Несколько иная точка зрения представлена в работах В.В. Колесова. Он считает, что отождествление (подобие) лежит в основе символа, метафора же развивается на основе сравнения [12. С. 42]. В рамках настоящей статьи образные лексемы рассматриваются с позиций теории лексической мотивации, поэтому типология их внутренних форм основана на характере мотивационного значения с учетом отраженных / неотраженных в мотивационном значении отношений подобия.

В древнерусском языке образные лексемы представлены двумя группами: с метафорической внутренней формой слова и неметафорической внутренней формой слова.

Сравним две образные лексемы, взятые из «Словаря древнерусского языка XI–XIV вв.»: *доутиса* – «чваниться, кичиться» – и *заморие* – «местность, находящаяся за морем, чужая страна». Как увеличивается объем чего-либо наполненного, надутого, так увеличивается в собственных глазах значимость горделивого, хвастающего собой человека. Метафорический план значения глагола создает яркий словесный образ. В этом отношении неслучайна этимология слова *надмен-*

ный – «надутый», «чванливо-гордый, высокомерный» из общеславянского **nadъmenъ* в значении «надутый» – страдательное причастие прошедшего времени от общеславянского глагола **nadqti* надути (надути), который восходит к **nadъmti* [13. С. 556–557].

Внутренняя форма слова *заморие*: за-мор-ие – за морем, -и- выступает суффиксом принадлежности. Это неметафорическая внутренняя форма. Но, тем не менее, слово не только называет, но и «рисует» образ чужой далекой стороны. В образованном от него *заморьць* – иноземец – образный компонент в структуре лексического значения еще более очевиден – человек, находящийся в чужой земле, за морем – «иноземец».

Метафорическую внутреннюю форму имели глагольные лексемы *възваряти* – закипать, бурлить – и *възварити* – возмутить, поспорить. Мотиватором (мотивирующим словом) глагольного слова *възваряти* выступает слово *варъ* – жар, зной, которое в древнерусском языке являлось словом с абсолютным типом мотивированности. Метафорическая внутренняя форма обеспечивала второй, ассоциативно-образный план содержания лексической единицы: *варъ* – зной, жар; то, что связано с предельно высокой температурой, приводящей к кипению, бурлению → *възваряти* – закипать, бурлить.

Пропозитивная структура образной глагольной лексемы *възварити* – возмутить, поспорить – более сложна, чем в первом случае, что связано с вторичностью ассоциативных связей, предопределяющих ассоциативно-образный план приведенного слова. Ассоциатом образа в данном случае выступает представление о бурлении как о неупорядоченном движении жидкости. Физическая нестабильность ассоциируется с нарушением привычных представлений древнерусского человека о покое как норме поведения: *възваряти* – закипать, бурлить → *възварити* – возмутить, поспорить. Л.В. Балашова, отмечая регулярность данной метафорической модели в древнерусском языке и ее стабильность во времени, подчеркивает, что покой ассоциируется с душевным комфортом, убежденностью в правильном выборе цели, позиции, тогда как любой вид неустойчивости положения в пространстве – с эмоциональной, идеологической, социальной нестабильностью [14. С. 19].

Образные лексемы с неметафорической внутренней формой, в свою очередь, делились на слова с наглядно-чувственной внутренней формой, с метонимической внутренней формой, с символической внутренней формой и контаминированной внутренней формой.

В древнерусском языке немало примеров образных лексем, внутренняя форма которых основана на конкретно-чувственном представлении. Вот некоторые из них: *жьга* – зной; *тутьнути* – греметь, гудеть; *завида* – зависть; *жьгома* – жар, зной; *бряцанье* – звон, звучание; *верескати* – громко, пронзительно кричать; *добель* – толстый, плотный; *добельство* – плотность. Однако характер чувственного сигнала, составляющего основу будущего образа, различен [15. С. 39]. Это могли быть тактильные, как в *жьга*, *жьгома*, слуховые, как в *верескати* или *бряцанье*, зрительные впечатления, как в *добель*, *добельство*. Это могло быть звукоподражание, как в *тутьнути*. Например, внутренняя

форма лексемы *жъга* – зной – связана с тактильными ощущениями древнего человека. Что такое зной? Удушливая летняя жара, когда воздух раскален палящим солнцем, когда солнце обжигает. Такой же характер имела внутренняя форма в синонимичном рассматриваемому слову *варь* – жар, зной. Конкретно-чувственное представление – первая ступень в образной номинации. Собственно об этом же писал в свое время и А.А. Потебня: «В первобытном человеке, которому не у кого было заимствовать, подобные звуки могли быть лишь отражением впечатления» [16. С. 23].

Примером образного слова с метонимической внутренней формой может служить слово *жирование* – пастбище, место откорма. Мотиватором данного слова является глагол *жировати* – кормиться, который, в свою очередь, связан с *жир*. Мотивационное значение внутренней формы слова *жирование* отражает отношения ассоциативной связи: действие → место действия. Представленная модель пространственной метонимии является самым древним и конкретным видом метонимического переноса [17. С. 25]. В слове *доумьница* внутренняя форма тоже метонимична. Ассоциативно-образный план лексического значения этой образной лексемы основан на смежности сопоставляемых явлений: действие (*думати*) → результат действия (*доумьница* – совет, собрание).

Внутренняя форма лексемы *заморие* имеет символический характер. Предметно-понятийный план содержания слова *заморие* – чужая страна, ассоциативно-образный план – за/морем – связан с символизацией: все, что за морем, далеко, а значит, чужое. Символизация отражает распространенную в древности оппозицию «свой – не свой (чужой)», о чем писал в свое время О.Н. Трубачев: ключевое слово для древних славян и их культуры – *свой* [18. С. 157]. Символический характер внутренней формы образной лексемы отражает специфику мифологического мышления, которое, как заметила Юлия Кристева, «вращаясь на орбите символа, оперирует символическими единицами» [19. С. 414].

На наш взгляд, символическую внутреннюю форму имело и слово *безобъцьнь*, предметно-понятийный план содержания которого – отлученный, а ассоциативно-образный план – без / обьцьнь – основан на символизации: без общего; без общины человек оказывается вне мира привычных социальных и личностных отношений и связей, он отлучен от общего мира, так как главное для него – невыделенность личности из социума [20. С. 11].

Рассматривая образные лексемы с символической внутренней формой в контексте типологии их внутренних форм, следует подчеркнуть, что в символах всегда имеется или подразумевается какое-то подобие – метафорично-метонимическое [21. С. 39]. С учетом этого следует говорить не столько о символическом типе внутренней формы, сколько о ее контаминированном характере. Под контаминацией в данном случае понимается совмещение, синтез признаков разных единиц классификации в одном языковом факте [22. С. 7].

Так, в структуре лексического значения слова *безпостелие* – лишение имущества, нищета – два содержательных плана: предметно-понятийный (нищета) и ассоциативно-образный (без постели). Мотиватором

данной лексемы является слово *постель* – место для отдыха, для восстановления сил человека. Мотивационное значение рассматриваемой внутренней формы отражает отношения ассоциативной связи сопоставляемых явлений. Однако базовым тропом для создания образа выступает в данном случае не просто метонимия. В силу значимости постели в системе ценностей древнего человека (постель – один из наиболее важных атрибутов личного имущества) метонимические отношения приобретают символический смысл: отсутствие постели становится символом неимущества, нищеты, а внутренняя форма слова приобретает контаминированный характер.

Синкретичный характер внутренней формы предопределял изменение ее типа. Древнерусское *клюка* – хитрость, обман – пример слова с метафорической внутренней формой. Однако, как свидетельствуют этимологические словари, старшее значение слова *клюка* – нечто не прямое, изогнутое [13. С. 257]. В основе первичной номинации лежит зрительное впечатление, ставшее ассоциативом образа. Кривизна, изогнутость ассоциировались в сознании древнего человека с хитростью, обманом, коварством. Так возникла данная метафорическая модель, в основе которой лежат отношения подобия, однако она является вторичной по отношению к исходной конкретно-чувственной форме. Подобное развитие семантики отмечает у корня -лоук- Е.В. Генералова, исследовавшая семантическое поле прямизны / кривизны в диахронии. Она подчеркивает, что если в праславянскую эпоху переносные значения корня -лоук- формировались в двух направлениях: «съежиться, скорчиться, бояться, беспокоиться» и на основе представления о моральных «искривлениях» (извилистый – «изворотливый»), то в древнерусском языке семантическая эволюция пошла только по второму пути [23. С. 28], что подтверждает и приведенный пример со словом *клюка*.

В слове *говор* – шум – изменение типа внутренней формы и дальнейшее развитие семантики этого слова происходило иначе. Первоначально ассоциативно-образный план в структуре значения этой лексемы был связан со слуховыми впечатлениями, т.е. внутренняя форма носила конкретно-чувственный характер. Затем в мотивационном значении внутренней формы слова *говор* появляется признак каузальности: говор (шум) → ропот → мятеж, и она приобретает метонимический характер. Аналогичным образом развивалась семантика глагола *тутьнути* – греметь, гудеть – и его производного *тутень* – шум, гул. Первичное значение этих слов связано с конкретно-чувственной формой, в основе которой лежит звукоподражание стуку лошадиных копыт [24. С. 127], затем тип внутренней формы меняется, она приобретает метонимический характер.

Таким образом, на конкретно-чувственное представление наплаивались новые семантические признаки, характеризующие предмет называния, в результате чего внутренняя форма приобретала иной, метонимический или метафорический характер. Эти наблюдения подтверждают, что образные слова, основанные на конкретно-чувственной внутренней форме, являются наиболее ранними по сравнению с образными лексемами с иными типами внутренних форм. Как

показала попытка типологизации внутренних форм образных лексем древнерусского языка, морфосемантическая структура слова в древнерусском языке могла быть эксплицитной и имплицитной, метафорической и неметафорической, однако и в том и в другом случаях она служила выражению образного содержа-

ния слова. Неслучайно, подчеркивает Ю.И. Минералов, Потевня не раз писал, что главное во внутренней форме, ее смысловых возможностях то, что она представляет собою образ. В образе присутствует в сгущенном, «сконденсированном» виде множество разнообразных смыслов [25. С. 159].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вышкин Е.Г.* Учение о слове А.А. Потевни и некоторые проблемы лексической семантики : автореф. дис. канд. ... филол. наук. Саратов, 1981.
2. *Потевня А.А.* Мысль и язык. Русская словесность. Антология. М., 1997.
3. *Виноградов В.В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. М. : Высшая школа, 1972.
4. *Блинова О.И.* Мотивология и ее аспекты. Томск, 2007.
5. *Скляревская Г.Н.* Языковая метафора как категория лексикологии (К вопросу о семантических границах языковой метафоры) // Языковые категории в лексикологии и синтаксисе. Новосибирск : Изд-во НГУ, 1991.
6. *Юрина Е.А.* Комплексное исследование образной лексики русского языка // Вестник Томского государственного университета : Бюллетень оперативной научной информации. Томск : Томский государственный университет, 2004. № 38.
7. *Колесов В.В.* Древняя Русь: наследие в слове. СПб., 2005.
8. *Фрейденберг О.М.* Миф и литература древности. М. : Восточная литература РАН, 1998.
9. *Маковский М.М.* Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. М. : Гуманит. изд. центр «ВЛАДОС», 1996.
10. *Кияк Т.Р.* Мотивированность лексических единиц. Львов : Вища школа, 1988.
11. *Шмелев Д.Н.* Очерки по семасиологии русского языка. М. : Просвещение, 1964.
12. *Колесов В.В.* Слово и дело: Из истории русских слов. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2004.
13. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. М. : Русский язык, 1993. Т. 1–2.
14. *Балашова Л.В.* Роль метафоризации в становлении и развитии лексико-семантической системы (на материале русского языка XI–XX веков) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 1999.
15. *Тюхтин В.С.* О природе образа (Психическое отражение в свете идей кибернетики). М. : Высшая школа, 1963.
16. *Потевня А.А.* Из записок по русской грамматике. М. : Учпедгиз, 1958. Т. 1–2.
17. *Генералова Е.В.* Метонимия имен существительных в обиходном русском языке XVI–XVII вв. // Русское слово в историческом развитии (XIV–XIX вв.) : материалы секции «Историческая лексикология и лексикография» XXXV Междунар. филол. конф. (13–18 марта 2006 г.). СПб., 2006.
18. *Трубачев О.Н.* Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М. : Наука, 1991.
19. *Кристева Ю.* Избранные труды: разрушение поэтики. М. : РОССПЭН, 2004.
20. *Никитина С.Е.* Устная народная культура и языковое сознание. М. : Наука, 1993.
21. *Комлев Н.Г.* Слово в речи. Денотативные аспекты. М. : Изд-во МГУ, 1992.
22. *Бабайцева В.В.* Переходные конструкции в синтаксисе. Конструкции, сочетающие свойства односоставных и двусоставных предложений. Воронеж : ВГПИ, 1967.
23. *Генералова Е.В.* Семантика корней -лоук- и -прост- в связи с историей выражения понятий «прямое» и «кривое» // Семантика русского языка в диахронии : сб. науч. ст. Калининград, 1996.
24. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М. : Прогресс, 2008. Т. 4.
25. *Минералов Ю.И.* Филология и православное богословие о силе слова // Русский язык, культура, история : сб. материалов II науч. конф. лингвистов, литературоведов, фольклористов. М. : МПГУ им. В.И. Ленина, 1997. Ч. 1.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 14 января 2012 г.